

Портрет социальной активности молодежи в возрасте 18–24 лет Ямало-Ненецкого автономного округа Российской Федерации

Сухова Екатерина Александровна

Мл. науч. сотр.

ORCID: 0000-0002-5663-5457, e-mail: learn2@yandex.ru

Научный центр изучения Арктики, г. Салехард, Россия

Аннотация

Целью данной статьи является выявление факторов невовлечения в социально активную деятельность молодежи и составление портрета социальной активности молодежи в Ямало-Ненецком автономном округе. Эмпирической основой послужили данные опроса, проведенного автором осенью 2020 г. На основании факторного и кластерного анализа полученных данных, в частности приоритетов молодых людей в социально активной деятельности, социального статуса и названных ими причин неучастия в мероприятиях и проектах своего населенного пункта, были определены пять типов молодежи: глобалисты, патриоты Ямала, мещане, инфанты-пессимисты и реалисты. Выяснилось, что основными факторами неучастия в направлениях социальной активности для молодежи с высокой степенью участия оказались: отсутствие возможности проявить себя (57,8 %), невозможность участия (54,3 %), занятость осознанной молодежи (51,7 %). Для молодежи с низкой степенью участия это в основном один фактор – отсутствие мотивации (54,7 %), остальные факторы выражены примерно в равной степени, и лишь «отсутствие возможности проявить себя» (45,3 %) – в меньшей из пяти факторов степени. Предложены меры, направленные на увеличение социальной активности молодежи Ямало-Ненецкого автономного округа.

Ключевые слова

Молодежь, социальная активность молодежи, молодежная политика, Ямало-Ненецкий автономный округ, факторный анализ, кластерный анализ

Для цитирования: Сухова Е.А. Портрет социальной активности молодежи в возрасте 18–24 лет Ямало-Ненецкого автономного округа Российской Федерации // Вестник университета. 2023. № 10. С. 245–255.

Portrait of social activity of youth aged 18-24 in the Yamal-Nenets Autonomous District of Russia

Ekaterina A. Sukhova

Junior Researcher

ORCID: 0000-0002-5663-5457, e-mail: learn2@yandex.ru

Arctic Research Center, Salekhard, Russia

Abstract

The purpose of the study is to identify factors of non-involvement in youth social activities and to draw a portrait of youth social activity in the Yamal-Nenets Autonomous District. The empirical basis of the study was the survey data conducted by the author in the fall of 2020. Based on the factor and cluster analysis of the data obtained, in particular, priorities of young people in social activities, social status, and reasons for non-participation in activities and projects of their locality, five types of young people have been identified: globalists, patriots of Yamal, burghers, pessimistic infants, and realists. It turned out that main factors of non-participation in areas of social activity for young people with a high degree of participation were lack of opportunity to express themselves (57.8 %), impossibility to participate (54.3 %), and employment of conscious youth (51.7 %). For young people with a low degree of participation lack of motivation (54.7 %) is a main factor, the other factors are expressed in approximately equal degree, and only the lack of opportunity to prove themselves (45.3 %) is the least of the five factors of the degree. The measures aimed at increasing social activity of young people in Yamal-Nenets Autonomous District have been proposed.

Keywords

Youth, youth social activity, youth policy, Yamal-Nenets Autonomous District, factor analysis, cluster analysis

For citation: Sukhova E.A. (2023) Portrait of social activity of youth aged 18–24 in the Yamal-Nenets Autonomous District. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 245–255.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы социальная активность молодежи стала одной из наиболее обсуждаемых тем в современном обществе. Молодежь Ямало-Ненецкого автономного округа Российской Федерации (далее – ЯНАО) не является исключением, и ее социальная активность вызывает все больший интерес у исследователей. Объектом исследования в данной статье является молодежь ЯНАО, а предметом исследования – ее социальная активность. Целью настоящей работы является выявление факторов неучастия молодежи в социально активной деятельности и составление портрета социальной активности молодежи в ЯНАО. Для достижения этой цели был проведен анализ данных, полученных в ходе опроса молодежи в возрасте 18–24 лет, проживающей в регионе. В статье рассмотрены различные аспекты социальной активности молодежи, такие как участие в общественной жизни, волонтерство, активность в социальных сетях и др.

Молодежь является одной из ключевых групп населения, которая формирует будущее общества. Важно понять, какие проблемы и вызовы стоят перед этой группой, какие ценности и убеждения она имеет, а также какие возможности для развития социальной активности существуют. Существует необходимость выявления причин социальной незащищенности и маргинализации молодежи, а также способы их преодоления. Это особенно важно в условиях быстро меняющейся социально-экономической ситуации, когда молодежь может столкнуться с новыми вызовами и проблемами.

Все это должно помочь выработать стратегии и программы развития молодежной политики, которые будут ориентированы на решение конкретных проблем и потребностей молодежи. Это позволит создать благоприятную среду для развития социальной активности молодежи и повысить ее уровень участия в жизни общества. Таким образом, исследования социальной активности молодежи имеют большую актуальность и могут принести значительную пользу для развития общества в целом.

С одной стороны, перед государственными органами исполнительной власти в области молодежной политики поставлена задача по увеличению числа вовлеченных в социально активную деятельность. С другой стороны, в регионе наблюдается отток молодежи, и присутствует общемировая проблема низкой активности молодежи, которая не желает работать и учиться [1; 2]. Также нужно указать на мировую тенденцию снижения роли молодежи в социальной политике в контексте, когда семья стала основным источником ресурсов [3]. Исследования социальной активности и работа по вовлечению молодежи в волонтерскую деятельность строятся учеными в рамках таких направлений, как здравоохранение, экология, профилактика, историко-досуговая и социальная сферы [4].

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретической базой для анализа социальной активности молодежи послужили научные исследования различных авторов. Ввиду тесной связи исследуемого феномена с государственной политикой в данном исследовании эффективно применялись работы П. Бурдьё, М. Вебера, И. Валлерстайна, а в контексте связи с представителями различных социальных групп были полезны концепции социального действия М. Вебера и Т. Парсонса. Методология научных исследований молодежи и социологическая теория системного управления российским волонтерством стали отечественной научной основой в исследовании социальной активности молодежи ЯНАО [5–7].

В настоящем исследовании учитывается, что качественным индикатором успешности вхождения молодого поколения во взрослую жизнь являются результат взаимосвязанных процессов социализации и самореализации молодежи, благоприятное течение и исход которых должно обеспечить государство, а также тот факт, что государство структурирует социальную активность и определяет легитимные практические схемы для граждан [8–10]. В качестве основных факторов и условий развития социальной активности можно рассматривать: социально-экономические особенности развития региона, политические факторы, влияние средств массовой информации (далее – СМИ), реформа местного самоуправления, правовые условия развития общественной активности, региональное законодательство и решения региональных властей, взаимоотношение местных властей и общественности, организационные, территориальные, культурные, национальные, демографические и социально-психологические факторы [11].

Эмпирические данные были получены осенью 2020 г. в результате онлайн опроса (научно-исследовательская работа «Социальная активность молодежи Ямало-Ненецкого автономного округа», выполненная автором в государственном автономном учреждении Ямало-Ненецкого автономного округа

«Научный центр изучения Арктики» в соответствии с планом научной деятельности ЯНАО на 2020 г.) населения ЯНАО в возрасте от 14 до 35 лет поточным методом привлечения [12]. Данное исследование основывается на анализе ответов молодежи в возрасте от 18 до 24 лет ($N = 233$). При помощи факторного анализа были выявлены латентные переменные, описывающие приоритеты в социально активной деятельности, а при помощи кластерного анализа определены основные типы молодежи в зависимости от их социального потенциала и жизненных стратегий.

В исследовании при первичной обработке эмпирических данных автором была выявлена группа молодежи ЯНАО с наибольшим числом проблем – это молодежь в возрасте 18–24 лет [13]. Текущее исследование направлено на более детальное рассмотрение особенностей представителей этой группы с целью выработки мер по увеличению социальной активности.

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

Были проанализированы ответы респондентов на вопрос: «В каком направлении социальной активности Вы участвовали?». Размерность распределения в результате анализа сократилась с тринадцати до пяти факторов, которые объяснили 70 % общей дисперсии. Применен метод вращения факторов Варимакс, мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина равна 0,823. Правомерность применения факторного анализа на исследуемой выборке обусловлена значимостью критерия Бартлета – 0,000.

Первый фактор коррелирует со следующими направлениями социально активной деятельности: медиаволонтерство (освещение социально-значимые мероприятия в СМИ, социальных сетях), онлайн-волонтерство (проекты, которые можно вести дистанционно через сеть «Интернет» – ведение сайтов, исследовательские проекты, создание баз данных, перевод документов и др.), медицинское волонтерство (помощь медперсоналу), помощь животным. Все эти направления объединяет понятие современности – это современные технологии и современные проблемы. Исследование проводилось осенью 2020 г., когда наиболее актуальной была проблема необходимости медицинского волонтерства, максимального использования современных информационных технологий в продвижении и реализации бизнес и социальных проектов, в том числе СМИ. Таким образом, первый фактор объединяет респондентов, реагирующих на современные вызовы общества. Первый фактор определим как «современное волонтерство».

Второй фактор включает в себя такие направления, как культурная жизнь, спортивная жизнь, патриотические мероприятия и организация крупных мероприятий. Про указанные направления социальной активности можно сказать, что они являются наиболее распространенными во всех населенных пунктах, массовыми, имеющими многолетний опыт реализации молодежной политикой региона. Логично было бы определить второй фактор как «традиционная общественная деятельность».

Третий фактор коррелирует с двумя направлениями – поисковая активность и обеспечение безопасности при чрезвычайных ситуациях. Респонденты, выбирающие эти направления, готовы проявить силу, ловкость ради спасения жизни людей в экстренных ситуациях. Их можно охарактеризовать как добровольцев спасателей, находящихся в резерве. Третий фактор определим как «спасение».

Четвертая группа факторов объединяет направления экологические мероприятия и помощь социально незащищенным людям. Основной чертой характера людей, выбирающих данные направления, можно назвать сострадание живой природе и людям, попавшим в сложную, тяжелую ситуацию, требующую помощи и ресурсов. Четвертый фактор определим как «забота».

Пятый фактор включает направления общественно политической деятельности и организацию крупных мероприятий. Он объединяет молодежь, стремящуюся участвовать в общественной жизни своих населенных пунктов, влиять на ее организацию, принимать участие в управлении, в том числе организовывать мероприятий для большого числа участников. Пятый фактор определим как «общественное управление».

Таким образом, тринадцать направлений социальной активности, предложенные респондентам для выбора, были сведены к пяти и определены как современное волонтерство, традиционная общественная деятельность, спасение, забота, общественное управление. Факторы, объясняющие наиболее востребованные направления: современное волонтерство (57,1 %), традиционная общественная деятельность (50,2 %) и забота (50,2 %). Наиболее популярными среди юношей оказались современное волонтерство (58,5 %), спасение (54,7 %) и забота (52,9 %), а у девушек – современное волонтерство (55,9 %), традиционная общественная деятельность (49,6 %) и забота (48 %).

В результате анализа предпочтений респондентов по степени их активности было выявлено различное распределение их приоритетов в разрезе сформулированных в результате факторного анализа укрупненных направлений социально активной деятельности. Так, наиболее активные респонденты чаще всего выбирают современное волонтерство (60,3 %), традиционную общественную деятельность (56 %) и заботу (55,2 %). Это говорит о том, что активная молодежь участвует и организует новые виды активной деятельности, применяя новые технологии. Наименее активные респонденты проявляли активность в направлениях традиционной общественной деятельности (58,1 %), спасения (51,3 %) и заботы (45,3 %). Они готовы принимать участие в знакомых, привычных направлениях и не откажут в помощи в случае экстренной необходимости.

На той же выборке респондентов были проанализированы причины неучастия в мероприятиях и проектах социально активных направлений деятельности в населенных пунктах. Для этого факторному анализу подверглись ответы респондентов на вопрос: «Почему Вы не участвовали в общественной, добровольческой (волонтерской), культурной, спортивной жизни Вашего населенного пункта?». Размерность распределения в результате анализа сократилась с двенадцати до пяти факторов, которые объяснили 58 % общей дисперсии. Применен метод вращения факторов Варимакс, мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина равна 0,623. Правомерность применения факторного анализа на исследуемой выборке обусловлена значимостью критерия Бартлета – 0,000.

Первый фактор коррелирует со следующими причинами неучастия: «нет оборудования», «плохо организованы мероприятия», «нет креатива», «я не понимаю, зачем это делается», «все делается неважно и никому не нужно». Он говорит о том, что то, что предлагается молодежи, не соответствует их ожиданиям и требованиям к данному виду деятельности. С другой стороны, в этом проявляются недостаток финансирования на приобретение оборудования и найма профессионалов, а также недостаток работы по информированию молодежи о положительных результатах работы. Определим данный фактор как «Несоответствие современным стандартам деятельности и запросам общества».

Второй фактор вообрал в себя мнения респондентов о том, что основные причины неучастия заключаются в неудобных месте и времени проведения мероприятий, притом, что имеется отрицательная корреляция с ответом «не понимаю, зачем все это делается». Таким образом, этот фактор объединяет мнение респондентов, осознающих важность и значимость проводимых мероприятий и реализуемых проектов, но лично для них нет возможности принимать в них участие. Определим его как «Невозможность участия».

Третий фактор имеет высокую отрицательную корреляцию с мнением «я плохо информирован» и высокую положительную корреляцию с «мне лень», а также невысокую корреляцию с «все делается неважно и никому не нужно». Он объединяет респондентов, обладающих достаточной информацией о проводимых мероприятиях, но они оказываются не готовы тратить свое время на проекты, в полезности которых они не уверены. Определим данный фактор как «Отсутствие мотивации».

Четвертый фактор положительно коррелирует с «мне не интересно», «неудобное время» и отрицательно коррелирует с «я стесняюсь». Он объединил респондентов, открытых к социальному взаимодействию, но у них есть высокие требования к содержанию проектов и мероприятий, и они имеют мало свободного времени, скорее всего, ввиду имеющейся занятости. Четвертый фактор определим как «Отсутствие возможности проявить себя».

Пятый фактор объединяет положительную корреляцию с «у меня нет времени» и отрицательную корреляцию «все делается неважно и никому не нужно». Он характеризует идейных людей, осознающих важность проводимых мероприятий и проектов и необходимость в создании и продвижении новых, но они уже заняты чем-то другим. Пятый фактор определим как «Занятость осознанной молодежи».

Таким образом, 13 переменных преобразованы в пять факторов. Около 60 % причин неучастия молодых людей в возрасте 18–24 лет в предлагаемых формах и видах социальной активности в населенных пунктах ЯНАО можно объяснить следующими пятью факторами: несоответствие современным стандартам деятельности и запросам общества, нет возможности участия, отсутствие мотивации, отсутствие возможности проявить себя, занятость активистов. Второй и пятый факторы схожи в том, что респонденты понимают важность предлагаемых направлений для участия, но решить проблему второго фактора возможно, если передвинуть время или выбрать другое место проведения, а в пятом факторе у респондентов времени нет совсем.

В итоге из 13 причин неучастия были получены 5 факторов, препятствующих реализации потенциала социальной активности молодежи ЯНАО в возрасте 18–24 лет. Наиболее значимыми оказались невозможность участия (51,5 %), отсутствие возможности проявить себя (51,5 %) и отсутствие мотивации (50,7 %). Причины неучастия различны в зависимости от пола. Юноши в основном винят несоответствие современным стандартам деятельности и запросам общества (56,6 %), отсутствие мотивации (53,8 %), отсутствие возможности проявить себя (52,8 %). Для девушек это невозможность участия (56,7 %), занятость осознанной молодежи (55,9 %), отсутствие возможности проявить себя (50,7 %).

Выяснилось, что основными факторами неучастия в направлениях социальной активности для молодежи с высокой степенью участия оказались отсутствие возможности проявить себя (57,8 %), невозможность участия (54,3 %), занятость осознанной молодежи (51,7 %). Для молодежи с низкой степенью участия это в основном один фактор – отсутствие мотивации (54,7 %), а остальные факторы выражены примерно в равной степени, и лишь «отсутствие возможности проявить себя» (45,3 %) – в меньшей из пяти факторов степени.

КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

Для выделения основных типов молодежи ЯНАО в возрасте 18–24 лет проведем кластерный анализ, который позволяет произвести поиск и выделение однородных групп в пространстве множества переменных, описывающих выборку. Для проведения кластерного анализа методом К-средних были отобраны следующие переменные: образование, занятость, удовлетворенность работой с молодежью, готовность к переезду, принадлежность к сообществам в реальной жизни и в интернете.

При составлении типологии молодых людей мы исходили из того, что социальная активность – это инструмент, посредством которого юноши и девушки добиваются поставленных целей в рамках избранной жизненной стратегии. Таким образом, они были распределены по своему социальному статусу, приоритетной форме общения, миграционным настроениям. В результате были сформированы пять кластеров:

1) первый кластер включает в себя 13 % выборки и в основном содержит молодых людей, обучающихся в 11 классе, которые удовлетворены работой с молодежью, являются членами интернет-сообществ, раз или два в году принимают участие в общественных мероприятиях и хотят уехать раньше, чем через пять лет;

2) второй кластер включает 31 % выборки – в основном это студенты средних специальных учебных заведений (далее – ССУЗ), они в основном удовлетворены уровнем работы с молодежью, участвуют в общественных мероприятиях раз или два в году и не собираются уезжать из своих населенных пунктов;

3) третий кластер включает 19 % выборки – это студенты ССУЗ, значительная часть кластера в поисках работы, раз или два в году принимающие участие в мероприятиях и не планирующие уезжать из своих населенных пунктов;

4) четвертый кластер включает 12 % выборки – это молодые люди, окончившие обучение после 9 класса средней общеобразовательной школы, они не удовлетворены уровнем работы с молодежью, находятся в поиске работы, один или два раза в год участвуют в общественных мероприятиях своего населенного пункта и собираются уехать из него примерно через пять лет;

5) пятый кластер включает 24 % выборки – это молодые люди, окончившие ССУЗ, часть из них получают высшее образование, часть из них не удовлетворены или затрудняются с ответом об уровне работы с молодежью, принимают участие один два раза в год и собираются уехать через пять лет.

Каждому кластеру соответствует определенный тип молодежи, которые опишем с помощью сформулированных латентных переменных, характеризующих социальную активность исследуемой выборки.

Проанализировав значимость факторов неучастия молодежи в социально активной жизни своих населенных пунктов, мы получили следующие перечни наиболее значимых факторов для каждого из полученных типов молодежи: для первого типа – несовременно (55 %), неинтересно (55 %) и немотивированно (52 %); для второго типа – неинтересно (59 %), некогда (58 %), невозможно (52 %); для третьего типа – немотивированно (52 %), невозможно (45 %), некогда (39 %); для четвертого типа – неинтересно (55 %), невозможно (52 %) и немотивированно (45 %); для пятого типа – несовременно (59 %), невозможно (59 %), некогда и немотивированно (по 55 %). Таким образом, для первого и пятого типов молодежи, которые наиболее настроены на переезд из своих населенных пунктов, основным фактором неучастия является «несовременно».

В результате оценки распределения значимости факторов основных направлений деятельности, интересующих молодежь ЯНАО в возрасте 18–24 лет, получилось следующее распределение основных

направлений для каждого из пяти типов: для первого типа – современное волонтерство (55 %), традиционная общественная деятельность (52 %), забота (52 %); для второго типа – современное волонтерство (62 %), традиционная общественная деятельность (58 %), общественное управление (49 %); для третьего типа – забота (68 %), спасение (59 %), общественное управление (59 %); для четвертого типа – современное волонтерство (66 %), спасение (59 %), общественное управление (45 %); для пятого типа – современное волонтерство (55 %) и (забота 46 %).

Степень общения молодежи оценивается с помощью следующего параметра: число знакомых в живом общении и в сети «Интернет». Число знакомых в живом общении в зависимости от принадлежности к типу изменяется, так в первом, втором и пятом типах молодежи менее десяти друзей имеют всего 23 %, а в третьем и четвертом типах таких 43 % и 45 % соответственно. Анализ числа знакомых, но уже в сети «Интернет», то есть в виртуальном общении, показывает, что наибольшая доля молодежи с количеством знакомых менее десяти принадлежит четвертому (34 %) и второму (30 %) типам, при этом в первом (35 %) и втором (34 %) типах наибольшая доля молодежи – с числом знакомых более 50. Таким образом, степень общения молодежи в разрезе типов следующая: первый и пятый тип – высокая в реальном и в виртуальном общении; второй тип – в реальном общении высокая, в виртуальном общении у части группы низкая, а у части группы – высокая; в третьем и четвертом типах значительная часть имеет низкую степень общения, а остальные – высокую.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Опишем молодежь ЯНАО с учетом всех вышеназванных особенностей социально активного поведения.

Первый тип объединяет примерно 13 % от группы и включает учащихся 11 классов или недавних выпускников школ. Они в основном выбирают для своей активной деятельности, с одной стороны, современные виды активности с применением новых технологий, решая современные социальные вызовы, а с другой – активно участвуют во всех традиционно предлагаемых направлениях. Также они отзываются на проблемы людей, попавших в трудные жизненные ситуации. Они удовлетворены уровнем работы с молодежью, имеют много социальных связей в реальной жизни и еще больше взаимодействуют в сети «Интернет». Не участвуют в мероприятиях и проектах, которые им кажутся не соответствующими современным стандартам, их не привлекают устаревшие технологии и заезженные типовые сценарии. Не откликаются на неинтересное наполнение, несмотря на то что они осознают важность и необходимость социально активной деятельности. Указывают на отсутствие мотивации. При этом они собираются переехать в другой регион менее, чем через пять лет, что, скорее всего, сопряжено с желанием получить высшее образование в очном формате, так как на территории ЯНАО такой возможности нет. Это так называемые глобалисты – они готовы уехать из родного населенного пункта, надеясь переездом решить имеющиеся проблемы.

Второй тип – это наиболее многочисленный тип молодежи (31 %). В большинстве они являются студентами ССУЗ, уже определились со своей профессией и параллельно активны в других видах общественной деятельности. Наиболее интересны им (так же, как и глобалистам) современные и традиционные направления активности, но также они активно принимают участие в общественном управлении своего населенного пункта и отказываются это делать, когда им не интересно или когда уже заняты другой деятельностью. Они удовлетворены уровнем работы с молодежью. В этой группе часть молодежи имеет множество контактов как в реальной жизни, так и в сети «Интернет», а часть ограничивается умеренным и небольшим числом социальных связей. Они в основной своей массе хотят жить и работать в своем населенном пункте. Их можно определить как патриоты Ямала, потому что, несмотря на имеющиеся проблемы, они готовы и способны их решать.

Третий тип молодежи (19 %) также большей частью состоит из студентов. Однако эта группа больше озабочена проблемой поиска работы. В социально активной деятельности чаще откликается на направления заботы (экология и помощь социально незащищенным людям) и спасения. Они активны и в предлагаемых традиционных направлениях социально активной деятельности. Не участвуют в них при отсутствии мотивации или в случае, если уже заняты другими видами деятельности. Часть из молодых людей имеют незначительное число контактов, а остальные достаточно активны и в реальной жизни, и в сети «Интернет». Несмотря на имеющиеся проблемы, уезжать в другие регионы не хотят. Обобщая описание этого типа молодежи, их можно определить как мещане (здесь используется термин во втором из указанных в толковом словаре Ожегова значении для слова «мещанин» – человек с мелкими, сугубо личными

интересами, с узким кругозором и неразвитыми вкусами, безразличный к интересам общества), которые живут своей жизнью, решают свои проблемы, а социальную активность проявляют в виде чисто человеческих проявлений заботы и спасения или в случае, когда предлагаются известные алгоритмы действий.

Четвертый тип молодежи в возрастной группе 18–24 лет составляют 12 % от общей численности группы, он объединяет в основном молодежь с 9 классами образования. Молодые люди находятся в поиске работы. Уровнем работы с молодежью они не удовлетворены. Социально активны в современных направлениях, готовы прийти на помощь в экстренных ситуациях угрозы жизни и безопасности, а также принимают участие в общественном управлении населенным пунктом. Не отзываются на неинтересные им проекты, мероприятия в случае занятости и в случае отсутствия мотивации. Значительная доля молодежи этого типа имеет мало социальных связей. Хотят уехать из своего населенного пункта через пять лет. Данная группа молодежи имеет наибольшее число проблем и наименьшую удовлетворенность и не видит перспектив их самостоятельного решения в своем населенном пункте, что говорит об инфантильном характере и отсутствии личной инициативы при достаточно высоком уровне критики к окружающим. Их можно определить как инфанты-пессимисты.

Пятый тип молодежи составляет 24 % от общего числа. Чаще всего это уже имеющие среднее специальное образование молодые люди, но часть продолжает учиться (заочно или местное дополнительное образование). Среди них востребованы современные направления социальной активности и забота. Значительная часть молодых людей недовольны уровнем работы с молодежью и не откликаются на несовременные мероприятия и проекты ввиду личной занятости и зачастую не мотивированы. Число социальных связей различно – от единиц до сотен знакомых, значительная доля имеет очень много контактов в сети «Интернет». Большая часть желает уехать из своего населенного пункта. Данный тип молодежи объединяет наиболее взрослых и опытных представителей группы. У них уже есть личный опыт профессиональной деятельности, стратегия построения карьеры и профессионального роста. У них уже идет процесс отбрасывания лишних связей, отказа от ненужной активности и определения индивидуальной жизненной траектории. Они без лишнего оптимизма оценивают все имеющиеся возможности своего населенного пункта и не распыляются на неэффективные действия. Таковую молодежь можно назвать реалистами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведения факторного и кластерного анализа данных о молодежи ЯНАО в возрасте 18–24 лет и об основных характеристиках ее социальной активности были получены и описаны пять типов молодежи: глобалисты, патриоты Ямала, мещане, инфанты-пессимисты и реалисты. Для каждого типа можно сформулировать как способствующие, так и препятствующие социальной активности факторы, которые могут быть общими для одних и разными для других типов. Способствующими социально активной деятельности молодежи являются следующие факторы: отсутствие желания уехать из своего населенного пункта, наличие собственного мнения о требуемых преобразованиях в населенном пункте, большое количество знакомых в реальной жизни и сети «Интернет», стремление к получению знаний о современных технологиях, отзывчивый и открытый характер, учеба в очном формате в средних и высших учебных заведениях. К препятствующим факторам можно отнести: нежелание проживать в своем населенном пункте, прекращение образования после 9 класса общеобразовательной школы, небольшое число социальных связей и безработица, отсутствие мотивации, высокая занятость молодежи и пересечение графиков работы учреждений разных направлений (приходится выбирать без возможности участия во всех проектах и мероприятиях).

С опорой на опыт других исследователей социальной активности молодежи можно предложить пять основных направлений для разработки управленческих воздействий.

1. Спортивная активность молодежи. В ряде научных исследований подчеркнута необходимость эффективной государственной молодежной политики по формированию сферы охраны здоровья, популяризации спорта и физической культуры среди молодежи [14; 15]. Также сформулированы рекомендации о необходимости обрабатывать обратную связь о спортивных учреждениях и мероприятиях, изучать мнение молодых людей относительно их недовольства молодежной политикой на примере научного исследования, в котором говорится о разочаровании молодых людей в обучении спорту и физическому воспитанию, где показано, что таким образом они не только выражали признаки недовольства образовательными учреждениями в целом, но и имели стремление к социальным изменениям [16].

2. Профориентация и трудоустройство. Эта проблема является важной для молодежи в любой стране мира. Так, например, безработица и социальная изоляция молодежи являются одними из основных направлений молодежной политики Финляндии [17]. Научные исследования говорят о повышении возможностей трудоустройства молодых людей за счет развития различных форм капитала: человеческого, социального и психологического [18].

3. Цифровая грамотность и нормирование онлайн-активности молодежи. Так, например, результаты исследования предоставили информацию по оптимизации цифрового досуга учащихся базового профессионального образования в критическом и конструктивном использовании социальных сетей, что может способствовать цифровой грамотности этого коллектива и, следовательно, поможет свести к минимуму вероятность их принадлежности к рискованным действиям [19]. Также следует подчеркнуть необходимость определения видов онлайн-активности, в которых участвует молодежь [20].

4. Трансформация молодежной политики региона. Молодежь управляется множеством разнообразных знаний, разработанных правительством, молодежными организациями, неправительственными организациями и самими молодыми людьми. Эти знания могут взаимодействовать, укреплять и противоречить дискурсам молодежной работы [21]. Необходимо проводить исследования оценки компетенций социальных работников, работающих с молодежью [22]. Существует диспропорция между институтами порядка и стабильности, предписывающими контроль над деятельностью молодежи, и институтами развития, которые стимулируют самостоятельность молодых людей, формируя их ответственность в процессе воспроизводства российского общества [23].

5. Общественно политическая активность молодежи. Необходимо проводить исследования ресурсов и роли молодых людей как активных участников политического процесса. При этом понятие активного гражданства опускается и трансформируется в участие в контролируемых мероприятиях, предлагаемых молодежной политикой [24]. Необходимо оценить, какие виды политических действий на самом деле поощряются теми, кто говорит о дефиците молодежи в политической и гражданской сфере и, напротив, что молодые люди делают в этой сфере [25].

Библиографический список

1. Зудина А.А. «Не работают и не учатся»: молодежь NEET на рынке труда в России. *Мир России*. 2019;1(28):140–160. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-140-160>
2. Frias M., Alcoforado L., & Cordeiro A.R. The case of NEET: New Trajectories, New Challenges. *Revista Praxis Educacional*. 2020;42(16):186–216. <https://doi.org/10.22481/praxisedu.v16i42.7348>
3. López Peláez A., Segado Sánchez-Cabezudo S. Are Social Services equally accessible to all citizens in Spain? Youth and the Spanish Welfare State. *Arbor*. 2015;771(191): <https://doi.org/10.3989/arbor.2015.771n1007>
4. Kasyanov V.V., Davydova G.,I., Motsovkina E.,V., Ganshina G.,V., Gafiatulina N.K., Sheinova T.G., Zavarina, S.Y. Volunteering as a mechanism of socio-pedagogical work and youth social policy of the state under the conditions of risk. *Humanidades e Inovação*. 2021;31(8):78–86.
5. Чупров В.И., Зубок Ю.А. *Социология молодежи: учебник*. М.: Юридическое издательство «Норма»; 2011. 335 с.
6. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы. *Россия реформирующаяся*. 2017;15:12–48.
7. Певная М.В. *Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики: монография*. Екатеринбург: Изд-во УрФУ; 2016. 434 с.
8. Волков Ю.Г., Добренъков В.И., Шаповалов В.А. и др. *Социология молодежи*. Ростов-на-Дону: Феникс; 2001. 575 с.
9. Горшков М.В., Шереги Ф.Э. *Молодежь России: социологический портрет*. 2^е изд., доп. и испр. М.: Институт социологии РАН; 2010. 592 с.
10. Римский В. Воздействие сети Интернет на выявление активности, формирование и развитие идентичности. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2009;1(99):86–96.
11. Уржа О.А. Территориальная организация местного самоуправления: проблемы и пути решения. *Социальная политика и социология*. 2013;4-2(97):7–14.
12. Сухова Е.А. *Социальная активность молодежи Ямало-Ненецкого автономного округа*. Салехард: ГКУ ЯНАО Научный центр изучения Арктики; 2020. 321 с.
13. Сухова Е.В. Потенциал и реализация социальной активности городского и выброса молодежи Ямало-Ненецкого автономного округа. *Управление устойчивым потенциалом*. 2021;3(34):68–73.

14. Sandford R.A., Duncombe R., Armour K.M. *The role of physical activity/sport in tackling youth disaffection and anti-social behavior. Educational Review.* 2008;4(60):419–435. <https://doi.org/10.1080/00131910802393464>
15. Kasyanov V.V., Ponomarev I.E., Gluzman L.V., Zagutin D.S., Kosinov S.S., Tolstokora O.N., Beletova J.B. Sport and Health-Saving Technologies in the Structure of State Youth Policy. *International Journal of Applied Exercise Physiology.* 2019;3(8):250–257.
16. Lemonnier J.-M., Attali M., Parris E. Young people's disillusionment with French education before 1968: Sport, the school curriculum and social change. *Social History.* 2016;1(41):54–71. <https://doi.org/10.1080/03071022.2015.1108716>
17. Mertanen K., Makela K., Brunila K. What's the problem (represented to be) in Finnish youth policies and youth support systems? *International Studies in Sociology of Education.* 2020;3(31):264–283. <https://doi.org/10.1080/09620214.2020.1752770>
18. Souto-Otero M. Young people's views of the outcomes of non-formal education in youth organizations: Its effects on human, social and psychological capital, employability and employment. *Journal of Youth Studies.* 2016;7(19):938–956. <https://doi.org/10.1080/13676261.2015.1123234>
19. Valdemoros San Emeterio M.A., Alonso Ruiz R.A., Codina Mata N. Leisure activities and their presence in social networks in potentially vulnerable youth. *Journal of Research in Social Pedagogy.* 2018;31:69–78. https://doi.org/10.7179/PSRI_2018.31.06
20. Kahne J., Bowyer B. The Political Significance of Social Media Activities and Social Networks. *Political Communication.* 2018;3(35):470–493. <https://doi.org/10.1080/10584609.2018.1426662>
21. Lohmeyer B.A. Youth and their workers: The interacting subjectification effects of neoliberal social policy and NGO practice frameworks. *Journal of Youth Studies.* 2017;10(20):1263–1276. <https://doi.org/10.1080/13676261.2017.1321109>
22. Merfeldaite O., Dilyte J. Competences of Social Workers for Work with Youth: Case Analysis. In: Lubkina V., Usca S., Zvaigzne A. (eds.). *Society, Integration, Education: Proceedings of the International Scientific Conference, May 27–28, 2016.* Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmija; 2016. Pp. 97–108. <https://doi.org/10.17770/sic2016vol4.1548>
23. Nekrasov E.E., Ivanchenko O.S., Kovalenko A.M., Tereshchenko E.V. The impact of public policy on youth activist life strategies in the conditions of equal opportunities transformation. *Turismo-estudos e praticas.* 2020;3.
24. Haikkola L. (2019). Shaping activation policy at the street level: Governing inactivity in youth employment services. *Acta Sociologica.* 2019;3(62):334–348. <https://doi.org/10.1177/0001699318784341>
25. Banaji S. The trouble with civic: A snapshot of young people's civic and political engagements in twenty-first-century democracies. *Journal of Youth Studies.* 2008;5(11):543–560. <https://doi.org/10.1080/13676260802283008>

References

1. Zudina A.A. The NEET youth in the Russian labor market. *Universe of Russia.* 2019;1(28):140–160. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-140-160> (In Russian).
2. Frias M., Alcoforado L., & Cordeiro A.R. The case of NEET: New Trajectories, New Challenges. *Revista Praxis Educacional.* 2020;42(16):186–216. <https://doi.org/10.22481/praxisedu.v16i42.7348>
3. López Peláez A., Segado Sánchez-Cabezudo S. Are Social Services equally accessible to all citizens in Spain? Youth and the Spanish Welfare State. *Arbor.* 2015;771(191): <https://doi.org/10.3989/arbor.2015.771n1007>
4. Kasyanov V.V., Davydova G.I., Motsovkina E.V., Ganshina G.V., Gafiatulina N.K., Sheinova T.G., Zavarina, S.Y. Volunteering as a mechanism of socio-pedagogical work and youth social policy of the state under the conditions of risk. *Humanidades e Inovacao.* 2021;31(8):78–86).
5. Chuprov V.I., Zubok Yu.A. *Sociology of Youth.* Moscow: Norma Publ. House; 2011. 335 p. (In Russian).
6. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Modern sociology of youth: changing reality and theoretical approaches. *Rossiya reformiruyushchayasya.* 2017;15:12–48. (In Russian).
7. Pevnaya M.V. *Management of volunteering: International experience and local practices.* Yekaterinburg: Ural Federal University Publ. House; 2016. 434 p. (In Russian).
8. Volkov Yu.G., Dobrenkov V.I., Shapovalov V.A. et al. *Sociology of Youth.* Rostov-on-Don: Feniks; 2001. 575 p. (In Russian).
9. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *Russian Youth: A sociological portrait.* 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2010. 592 p. (In Russian).
10. Rimsky V. The impact of the Internet on social activity, the formation and development of identities. *Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions.* 2009;1(99):86–96. (In Russian).
11. Urzha O.A. Territorial organization of local self-government: optimization problems and solutions. *Social policy and sociology.* 2013;4-2(97):7–14. (In Russian).
12. Sukhova E.A. *Social activity of youth of the Yamal-Nenets Autonomous District.* Salekhard: Arctic Research Center; 2020. 321 p. (In Russian).
13. Sukhova E.A. Potential and implementation of social activity of the city and rural youth of the Yamal-Nenets Autonomous District. *Sustainable Development Management.* 2021;3(34):68–73. (In Russian).

14. Sandford R.A., Duncombe R., Armour K.M. The role of physical activity/sport in tackling youth disaffection and anti-social behavior. *Educational Review*. 2008;4(60):419–435. <https://doi.org/10.1080/00131910802393464>
15. Kasyanov V.V., Ponomarev I.E., Gluzman L.V., Zagutin D.S., Kosinov S.S., Tolstokora O.N., Beletova J.B. Sport and Health-Saving Technologies in the Structure of State Youth Policy. *International Journal of Applied Exercise Physiology*. 2019;3(8):250–257.
16. Lemonnier J.-M., Attali M., Parrisé E. Young people's disillusionment with French education before 1968: Sport, the school curriculum and social change. *Social History*. 2016;1(41):54–71. <https://doi.org/10.1080/03071022.2015.1108716>
17. Mertanen K., Makela K., Brunila K. What's the problem (represented to be) in Finnish youth policies and youth support systems? *International Studies in Sociology of Education*. 2020;3(31):264–283. <https://doi.org/10.1080/09620214.2020.1752770>
18. Souto-Otero M. Young people's views of the outcomes of non-formal education in youth organizations: Its effects on human, social and psychological capital, employability and employment. *Journal of Youth Studies*. 2016;7(19):938–956. <https://doi.org/10.1080/13676261.2015.1123234>
19. Valdemoros San Emeterio M.A., Alonso Ruiz R.A., Codina Mata N. Leisure activities and their presence in social networks in potentially vulnerable youth. *Journal of Research in Social Pedagogy*. 2018;31:69–78. https://doi.org/10.7179/PSRI_2018.31.06
20. Kahne J., Bowyer B. The Political Significance of Social Media Activities and Social Networks. *Political Communication*. 2018;3(35):470–493. <https://doi.org/10.1080/10584609.2018.1426662>
21. Lohmeyer B.A. Youth and their workers: The interacting subjectification effects of neoliberal social policy and NGO practice frameworks. *Journal of Youth Studies*. 2017;10(20):1263–1276. <https://doi.org/10.1080/13676261.2017.1321109>
22. Merfeldaite O., Dilyte J. Competences of Social Workers for Work with Youth: Case Analysis. In: Lubkina V., Usca S., Zvaigzne A. (eds). *Society, Integration, Education: Proceedings of the International Scientific Conference, May 27–28, 2016*. Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmija; 2016. Pp. 97–108. <https://doi.org/10.17770/sie2016vol4.1548>
23. Nekrasov E.E., Ivanchenko O.S., Kovalenko A.M., Tereshchenko E.V. The impact of public policy on youth activist life strategies in the conditions of equal opportunities transformation. *Turismo-estudos e praticas*. 2020;3.
24. Haikkola L. (2019). Shaping activation policy at the street level: Governing inactivity in youth employment services. *Acta Sociologica*. 2019;3(62):334–348. <https://doi.org/10.1177/0001699318784341>
25. Banaji S. The trouble with civic: A snapshot of young people's civic and political engagements in twenty-first-century democracies. *Journal of Youth Studies*. 2008;5(11):543–560. <https://doi.org/10.1080/13676260802283008>